

Александр Казаркин

рассказы

Томская и российская культура понесли большую утрату. Умер Александр Петрович Казаркин.

Он родился в деревне Дресвянка Новосибирской области в крестьянской семье. После окончания школы работал сварщиком, монтажником-верхолазом. Писал стихи, интересовался литературой, потому и поступил в Томский университет на историко-филологический факультет, который с отличием окончил в 1968 году.

После окончания университета началась его преподавательская деятельность в родном университете, затем в Кемеровском, и снова в Томском. В 1974 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Будучи вузовским преподавателем, А. П. Казаркин не оставался академическим учёным. Его статьи на литературные и литературоведческие темы печатались в сибирских и союзных журналах, выходили отдельными книгами. И совершенно закономерно в 1988 году А. П. Казаркин стал членом Союза писателей СССР.

А в 1990 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук. Немало ярких страниц посвятил он жизни и творчеству сибирских авторов. Он вернул современному читателю книги большого писателя Георгия Гребенищикова. Он писал о Г. Н. Потанине, В. А. Обручеве, Н. И. Наумове, о сибиряках-современниках.

Казаркин сотрудничал с журналами «Сибирские огни» и «Наш современник». В журнале томских писателей «Начало века» постоянно печатались его статьи и литературные произведения (нередко под псевдонимом Александр Кержак, намекающим на его старообрядческие корни). Он – собиратель народных сказаний, мифологических и исторических, а кроме того, создатель литературных сказов собственного сочинения (опубликованы в антологии «Преданья старых трактов», серия «Сказы народов Сибири», 2011). В 2017 году его книга «Ермаки-Кучумы» удостоена Губернаторской премии Томской области.

Особо необходимо отметить работы А. П. Казаркина о проблемах творчества и судьбе наследия русского поэта Н. А. Клюева.

Александр Петрович ушёл из жизни полный творческих сил и новых замыслов. Оттого особенно горько переживается этот уход. Память о нём сохранится в сердцах его коллег-учёных, его учеников, его товарищей по писательскому делу.

ЖАРЕНЬИ ПЕТУХ

Куку-маку, съем собаку, кошку драну, мышь погану, куда плюну, туда прыгну. И с забора, через канаву – кто дальше. Видать, далеко вато плюнул, раз не доскакнул.

Ближнему планированию, вот чему учили игры в детстве. Но хрень на плетень выходит, какой-то бес мутит душу. Злобный дух забился на кафедре во все щели. И вот с этим пришёл на отчёт.

– На повестке заседания кафедры отчёт по НИР. В целом мы на общекультетском уровне, но некоторые до сих пор отчёт не представили. Я от всех услышал более-менее внятные ответы. Только у Архипа Петровича дела в мигусе. Он всё ещё не понимает, чем занимается. Давайте послушаем.

Решительно наезжает Кирилл Никандрыч, и все закивали на всё готовыми головами. Видно, есть уже решение. Чё делать?..

Взяли ассистентом, и любимые преподы обернулись ощеренными рылами. Для успеха надо играть заданные роли. Все здесь против всех. И все на один аршин: любезничают – клыки прячут. Аж ночью, спросонья от них подскакиваешь.

– Но я же сдал две статьи. И по студенческой конференции одна напечатана. Три – уже хватает для защиты.

– А вы ещё школьные заслуги посчитайте. Тема какая, материал статей? Одна – по преданьям староверов, другая – по сказам Нарыма. Одна – про Фому, другая – про Ерёму. Как вы свяжете это с современностью?

– Почему про Ерёму? Один и тот же сибирский фольклор. Надо понять, почему он сменяется постфольклором.

– Так и покажите, одно и то же или совсем разное. Мотивный анализ примените. Или вы рубите дерево не по себе?

Это Митряшина встречает. Она момента не упустит, ткнёт в зад калёным шилом. А глаза закатывает в горнюю высь и ладони складывает лодочкой. Спорить с ней бесполезно, надо обтекаемо:

– Постфольклор, его можно трактовать как новую главу словесности. В нём умиление вызывает сонливость, а похабный раж – возбуждение. Связь со старой песней только в этом, она минимальная.

– Так покажите актуальность, потенциал. Дайте определение, обозначьте герменевтическую процедуру, связь с действительностью. Наверняка же есть работы.

Закивал ей Никандрыч, головой широко мотанул. Почему-то с ней он никогда не спорит. И смотрит всегда мимо. Говорят, производственный роман. Были амуры зашкафные, теперь прячутся друг от друга в слащавую любезность.

– Вот-вот, такой материал и пройдёт легче. А с тем вас любой оппонент стопчет. Отдайте Каролине Егоровне на рецензию.

Ну да, её рецензии – доносы, строго научные по форме. Злоба замкнутого пространства? Фантазм учёности – вот где бес-то пристроился. Провоцирует, гад. Смысл жизни велел искать в старых песнях. А кто его теперь там выкопает?.. Ты сам, кто потерял. Жареный петух в зад клюнул – хода нет.

Кто-то повесил кривые зеркала. Всё здесь называется не своим именем. Если петушиное слово сказано, от него не отбояришься. А откуда он взялся, петух этот? Не его ли называли василиском? Во всех он тут. Ну да, василиск – так, кажется, это чудище называли. С петушиной головой был он почему-то. И не ночной, он бес полуденный. Все души наизнанку повыворачивал.

Староверы, одни они его помнили. Павел Амосыч, покойный, говорил: «Душа, она как блудная девка, её легко сманить в прелесть, чтоб красой величаться. А нонче со всех сторон всё ко греху зовёт. Все сдались, а хуже всех последним в роду. Этих уж и отпевать будет некому».

– Архип Петрович, отвечайте же, мы ждём. Что понимать под современным фольклором? Вы где вообще-то? Обозначьте хоть границы объекта.

Судилище, что ли? Они чё, на дверь указывают, от науки отлучают? Фольклор – легко сказать, а где его нынче взять? Он невозможен, когда нет народа. Зато структуралистам огромный оперативный простор. Дыхание века. Так надо бы сказать.

– Фольклор, он был лицом деревни. Его сперва удушила литература, а попса теперь кости доглядывает. А постфольклор, он уже после песни. На мой взгляд, расхлябень деревенская – вот где исток постфольклора.

Марксист Шаромов в углу завозился. Видать, вспомнил что-то из заветов. Никандрыч сдал свой партбилет, а этот – нет. И вставляет, начётчик, максимы из окаменелой эпохи:

– Не нами же сказано: все обойдутся без отечества. Так у всех народов. Пока надо описывать, и граница сама наметится. Но, в общем и целом, болото. Ну совсем как старовер: не нами сказано. Только всё навыворот.

Всполошилась Альбина Фаритовна, руками взмахнула. Спровоцировал старый пень самый тёмный выплеск:

– Да какое болото, коллеги? Подмена темы, классический образец. На школьных экзаменах за это двойку ставят. Вы посмотрите: специалист не видит своего материала. О чём тут говорить? Хоть пример приведите, покажите свой материал.

– Это пожалуйста. Возьмём старое: *Я матаню звал за баню – Не сулилась, а пришла. Лучшие баня бы сгорела, чем матаня родила...* Это элегия, классический лиризм. А в постфольклоре всё непосредственно: *Вставай, чувырло, пошли на тырло; там будет швырло, а после пырло.* Вот язык новой песни, книжной поэзии за ним не успеть. Или возьмём детское, самое непосредственное: *Восьмое марта близко-близко, расти скорей, моя пиписка.*

– Ну вы хоть немного-то редактируйте, при коллегах всё же!.. Вы согласны, Маргарита Евсеевна? С тем, что материал значительный?

– Язык и стиль теперь действительно ни при чём. У нас сын принёс на днях такой слоган: *Почему ты человек?* И мы, взрослые, не справились с задачей. А внук ответил легко. Я, говорит, люблю тушканов, пусть копаются в Васьюганском болоте. Если вам их жалко – вы человеки.

– И что это, фольклор или постфольклор?

– Наука пока не установила. Новый феномен.

– Ну а вы-то, раз уж взялись, так устанавливайте.

Не туда пошёл, не на тот факультет. Надо было на агронома. Писал за

Илюшку Полухина сочиненье, когда он в сельхоз-навоз поступал. Теперь большой человек Илья Семёныч. С дипломами редко в родные Мухосрамки ворочаются, а Илюха вернулся. Встретились позапрошлым летом – начальничье лицо, ездит по полям на совхозном газике, возит молодых доярок под берёзку, под заветную. Всегда по одной катает, тут он однолюб. А в школе был Илюшка-полушка...

Да, не тот факультет выбрал. Здесь тем же заниматься хотел, что знал в деревне, и взял тему: Концепт Душа в любовной песне. А песен-то не стало, душа в закуток забила, поскуливает, как щенок на цепи возле будки.

Уходил из дома – ночами курица пела. Плохой знак, каверзы сулит. Такой башку сразу рубят. А всё нипочём, стихи тогда накатал:

*Пой, курица, под гомон псов –
сопрано посреди басов,
и проводов подхватит хор:
Запела – значит, под топор.*

Хор проводов там – самое памятное. Зимой они тоскуют горше, чем летом. Ревёт железо, нас отпевает. Столбы как шли, так и идут с детства – вдоль улицы. Они не знают, что заимки распаханы вместе с кладбищами.

По реке плывёт кувалда из села Чугуева. Ну и пусть себе плывёт... Тут весь интерес в рифме, в последнем слове-затычке. Замени его – пресно и скучно. Да, найди затычку – и дело в шляпе.

ПОСЛЕ НАС

«Весть ошпарила: лучший друг мой изгнан на поверхность. То есть сам решил и тем всех вогнал в ступор. Там же смерть, что-то немислимое. Здесь за спиной у каждого сотни перерождений, а он взял да и оборвал нить. Кто ж обратно-то пустит *в обитаемую среду*. Там, наверху, – окружающая среда, барханы из золы и пепла на месте городов. Откипело, улеглось, возвращаться некуда. Мечта была о прогрессе: роботы выныанчат людей-аскарид, чтобы жили на всём готовом. Эра клонов, она бесконечна. Пофигизм не здесь начался, а там ещё, под солнцем.

Одни говорят: планета оскальпирована, другие – очищена. Ну и что из того, было или не было? Сны истории, сны-сказания о любви... все сны равны. Умерли все, кто отказался от вечного перерождения. А друг присвоил себе звание: последний поэт. Псевдоним взял вперекор старому: был Короед, стал Цепень. Закончил поэму «Не оставайтесь снами» и решил на смерть, на безвозвратную. *В аскаридном раю, Бытия на краю...* не захотел жить.

Одно здесь остаётся – сны. Каждый просматривает сотни жизней прежних поколений. Сколько тысяч лет назад было переселение сюда, никто не подсчитывал. Всё это история, кладбище идей. Мечтали там о бессмертии – и вот получили. Смысл жизни нашли – победа над её бессмыслицей. То есть – над стихией.

Но тают дни, вымывается вещество, которое было тобой. Тогда возжигается жизнь в одной клетке, взятой на сохранение ещё в молодости. И душа-матрица выходит из снов-закромов, вновь ты вырастаешь – родинка в родинку и ноготок в ноготок. И смотришь былые сны, шагаешь по стопам предшественников. По своим следам.

На меня косятся: дружил с еретиком. Он закончил поэму-исповедь – и умер на ступеньке. Сосуд лопнул. А чуть раньше, отхлебнув эрзац-сомы, рассуждал: – Когда уйду насовсем, тогда поймёте, кто я такой. И скажете: Цепень поставил последнюю точку. Больше поэм не будет. У клонов нет поэтов».

Бредятина какая-то. Откуда взялся этот текст?.. А, вспомнил: ходил к мозгоправу, он и дал, ехидный этот душелекарь. Вопросы задавал, в глаза не глядя.

– Вы сами пришли к нам или кто-то принудил?

– Жена ультиматум поставила... в половом вопросе. Лечись, говорит, или развод. Она для семейного счастья негодной стала. Кажется, сам я тоже...

– На нервной почве? Ну, это совсем не страшно. Понятие нормы ушло на задворки. Реклама ставит образцы недосягаемые. Гены-то у вас какие?

– У кого, у меня? Здешние гены, чалдонские. Литература вот не та стала, одни от неё аборты. Она по инстинкту бьёт. И скоро все будем жить стариками с молодости...

– Ничего особенного. Один пациент считал, что у него пенис усыхает, и делал дорогие операции каждую пятилетку. Эпоха такая... Да вот, обернитесь-ка.

Картина на противоположной стене – как в лоб молотком долбанула. В простой деревянной раме – мир в два яруса. Две эры схлестнулись: вверху – драконья реальность, внизу её отраженье в ласковых водах. Художник по-своему увидел конфликт отцов и детей. В верхнем этаже, к скале прижатые, сбились в плотную кучку последние оскалившиеся ящеры, вчерашние хозяева мира, а их оцепила стая гигантских бескрылых птиц, хищники более поздние. Третичный период, свои обречённые и победители свои. Внизу, в водном зеркале, скала округлилась, стала храмом с куполом, а отцы и дети – торжественное шествие, молебен. Рябь на воде времени...

– Нравится? Мне помогает ставить диагнозы. Пациент на память оставил. Талант, два сезона лечили. Сам принёс и повесил её, только наоборот.

– Наоборот? Как это?

– Вода сверху была, скала снизу – мрачный прогноз. Вверху молебен шёл, драконы и птицы – внизу, в озере. А название – ни за что не угадаете: «После нас». Он так толковал картину, записать надо было. Навязчивые виденья у него были. Он будто вернулся из долгой командировки...

– И что, застал супругу в объятиях?

– Да нет, хуже: в трёхтысячном году побывал. Заглянул и всё стал видеть в перспективе. Детали называет подробные – вот и сочли параноиком. Если бы он сел за книгу, в Союз писателей приняли бы, а он ходит и рассказывает... Идейная диверсия, подрывает веру в светлое будущее. Его и раздавили слоновыми порциями мажептила.

Ну да, в душелекари идут садисты. Чешет по-своему, будто я без него продепруг не знаю. А тот парень, может, сперва он тюлька гнал, чтоб не запаковали, а ему мозги вскипятенили.

– Не вылечился он, значит?

– Рисовать перестал. Работает учителем труда, табуретки сколачивает. Тур-рум-буб-бум... Итак, рекомендация. Говорите себе: здоров я, здоров, и буду как все.

– В каком смысле?

– Я создал группу «Прочь излишки», играют роли, выбирают клички: кто Коза, кто Жеребец. Хорошо пошло, возвращаются в природу. По четыре тысячи в месяц с каждого. Даже не раздумывайте, метод одобрил сам Утюген-оглы.

И с гламурной ласковостью выставил за дверь. Всё время мимо тебя смотрит. Ты ещё в дверях, а он уже кинул медсестре:

– Юленька, дай ему текст того, Ильича Третьего. Вы, говорят, литератор. Оцените, в следующий раз побеседуем.

Про конец истории, что ли? Или про что? Предвидение или простое помещательство – поди пойми тут.

Думал об авторе, встретиться захотелось. И вот на трамвайной остановке услышал шёпот:

– Смотри, вот он, Ильич Третий.

Шагнул к нему, а он обернулся с поклоном и оказался очень общительным. Знаменитость Сибирских Афин, выпускник филфака и психушки. Тихий, ищет с кем поговорить, а на остановке всегда есть с кем. Сразу преподнёс сен-тенцию:

*Товарищ, верь, пройдёт она,
Вся передроченная гласность,
И вот тогда госбезопасность
Припомнит наши имена.*

– Ну, вряд ли. Назад уже ходу нет.

– Да мы-то те же остались – загонные. Из котлована ничего не вынесли.

Стоит обшарпанный, замусоленный, глаза как у пса бездомного. И глаза эти пропитущие в глубь тебя смотрят.

– Закурить не найдётся. А если на шкалик попрошу? Пошли на Ушайку, раздавим. Там в кустах уютно, никто не подслушивает. Ты, я смотрю, начитанный. Дневник ведёшь? Время требует. *Во всём величьи видел ты закат звезды его кровавой.*

– Ага, величья кругом выше пуза, аж ступить некуда.

– Что ж, русская харизма – по харе и клизма... Я в комсомол долго не вступал – вызвали и давай вертеть. А я, я же только понять хочу, что за эпоха пришла. И зачем институт, если вы мыслить отучиваете? «На психушке такие, как ты, мыслят. Если дальше будешь болтать, там окажешься». Там и оказался, по доносу.

– Так это ты, выходит, написал тепличную исповедь? С бодуна или как?

– Я скорее за Армагеддон, за традиционный, за Апокалипсис. А если нет, – ждёт нас аскаридный конец. О нём все и мечтают. Хаос преодолеть хотят, а в нём – весь смысл истории. Уберут его – и будут счастливы. Без песен, без

музыки, без обычаев и праздников. Уже навсегда и безвозвратно. Эра клонов – последняя.

– А по специальности кто? Для души чем занимаешься?

– Эсхатология. Хороший проект конца света стоит всех наук. Нынешний перетрях – самая пора для наблюдений.

Ничего себе ирония. Как-то вдруг передёргивает его, да с подскоком!

– Конец света, что ли? И скоро он?

– По вере, по вашенской. У причастия когда бывал, вспомнил про лекции?

– При чём тут это? На исповеди – про работу?

С особым ехидством, со сладострастием:

– Покаялся, что ты лектор? Лектор, он что? – он актёрствует. Актёров до причастия не допускали. Покаешься – значит, отречёшься, тогда на лекцию – ни ногой. Сейчас каются и опять грешат. Вот скажи: о чём вещали просветители? О счастливом завершении истории. И оно вот-вот состоится. Кто-то сказал, что смысл истории будет виден в конце её. Удобно, когда нет стихии, так безопасней. А человеки? Живут аскаридами подполья, небо забыли и мечтать разучились. А сновидения не требуют напряженья.

Галактики разбегаются, пустота расширяется. В числителе – единица, в знаменателе – бесконечность. Эта дробь раздавила многих, появились похеристы. Галактики схлопываются – пропеллер вечности. Похеризм – новая парадигма. Вечность, кто же её вынесет? Я вот уже устал от себя... Главное: остановить лавинообразное наше размножение. Планета хоть вздохнёт. А долгую память – нет, не заслужили.

ВЕДЬМИНА МЕТЛА

«С новым годом, сынок. Письма от тебя не дождёшь, даже в новый год не поздравил. Трудно что ли, ты же быстро пишешь. Как там в городе? И в деревне молодые не признают ни царского, ни боярского, девки детей в брюхе травят, будто так и положено. Люди уже бесам радуются, сами на них похожи. Пляшут, визжат, кувыркаются в клубе-то, так черти в кипятке ныряют да выскакивают. Корова отелилась, бычка принесла. Доброй телёнок, краснопёстрой. Овец двоих прирезала, сена боюсь не хватит. У вас же каникулы скоро, приехал бы хоть денька на два. Думаете, легко, когда ни от кого ни строчки.

Пиши хоть раз в полгода».

Прочитал письмо благоверной – передёргивает жёнушку. Приглашаю к философствованию – отвечает скандалом. Но чай пьём, чай с клубничным вареньем. Не чудо ли!? Чуть не развелись, а сегодня полный мир. Подводим итоги, историю женитьбы составляем. О чём ещё мечтать, как не о лёгком смысле?..

– Самые экзотичные – лунатики, они странники в тонком теле. Ими, сноходцами, все народы очаровывались. Теперь – про них не слышно.

– По-твоему, не стало их – снохачей? Хвата-ает! – смело обобщает. Видно, знает примеры. Посмотрим, как вот на это среагирует:

– Пофигизм, он предсказан: *Блаженны неплодные, и утробы не родившие, и*

сосцы не питавшие. Действительно, чёрные дыры диалектику скомпрометировали, они поглощают пространство.

Ага, она в ступоре. Смотрит и не мигает... Стоп, а зачем я это? Какой-то старик Хоттабыч внутри...

– Слушай, есть такая сказка. Пришелец предложил лузеру, неудачнику стать автоматом, и тот согласился. И вот ощупывает себя утром: я или не я? А в компьютере выскакивает каждый день: докажи, что ты живой. Чем, спрашивает, докажу? Зачааем? А из компа говорят: тленное им не интересно. Они уже всё регулируют. И вообще нас, прежних, нет, кругом другие...

Да нет же, все вон шагают с веком в ногу, их же не колдобит. А ты... не ушёл бы из деревни – не искал бы смысл... Наперекосяк жизнь пошла, распался род, и осколки его не узнают друг друга. Опустели поля, заросли осинником...

Тетрадки в углу всем своим видом умоляют: не бросай, собирай дальше. Песни в них, на летних практиках собраны. А бес-поперечник своё: хрень через плетень, никому не нужны они. Песни отжили своё, им уж не воскреснуть. На кафедре, там их – завал, лет двадцать никто пыль не смахивал.

Берёзку во сне видел, со своей она, особой долей, а ей дали чужое имя: Ведьмина метла. Уткнулся в неё, чуть не каждую ночь снится. И видел ведь её, ведьмину метлу. Увидал берёзку на сосне и пожалел её: засохнет же. Сильный вихрь занёс снизу семя берёзы, и выглядывала она младенцем. На вершине она выросла, в развилке сучьев, и мечтала о земной доле.

Телеуты ехали мимо в сёдлах и дивились:

– Хитрый стал русдерево, сосне на горб забрался.

А чалдоны испуганно тыкали пальцем:

– Гляй-ко, ведьмина метла!

В ту осень, ещё школьную, привели меня птичьи голоса к сосне. Вспомнил берёзку и влез на сосну. Пожалел её, выдернул без труда, домой принёс и посадил украдкой у рассаdnика: узнают – заставят вырвать. Притулилась карлица к забору, жила вровень с ним, а большой так и не стала: молодость минула. Шептала что-то своё, а при сильном ветре лепетала, но ни репей, ни чертополох не понимали её. Любоваться потомством – это не дано ей было: затоптал его скот и люди не пощадили. А потом и домов не стало. А ради них кедров упали первыми, а за ними сосны. И теперь весь народ тамошний – осинник. Снова открылся ей простор, но безрадостный.